

Содержание

<i>А.А. Замостьянов. За годы сделаны дела столетий</i>	4
<i>И.В. Сталин. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП (б).</i>	9
МАГНИТКА	51
<i>Я.С. Гугель. Из воспоминаний о Магнитке.</i>	57
<i>Семён Нариньяни. Как это было</i>	68
ПЕРСОНА. Серго Орджоникидзе	81
ПЕРСОНА. Наш американский друг.	88
ДАЁШЬ ТУРКСИБ!	94
ПЕРСОНА. Ян Рудзутак	103
ПЕРСОНА. Андрей Андреев	108
ПЕРСОНА. Лазарь Каганович	112
<i>Виктор Шкловский. Турксиб</i>	116
ЧУДО НА ДНЕПРЕ	128
<i>Б.С. Басков. Записки строителя Днепрогэса</i>	137
БРАТСКАЯ ГЭС — СТРОИТЬ ПО-НОВОМУ	168
КАМСКИЙ БАТЫР	171
НЕОБХОДИМОСТЬ БАМА	197
ПЕРСОНА. Василий Калиничев	213
ПЕРСОНА. Алексей Крюков	218
<i>А.М. Крюков. БАМ — трасса мужества</i>	221

За годы сделаны дела столетий

Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.
Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.
И меркнет
доверье
к природным дарам
с унылым
пудом сенца
и поворачиваются
к тракторам
крестьян
заскорузлые сердца.
И планы,

что раньше
на станциях лбов
задерживал
нищенства тормоз,
сегодня
встают
из дня голубого,
железом
и камнем формась.
И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

Владимир Маяковский

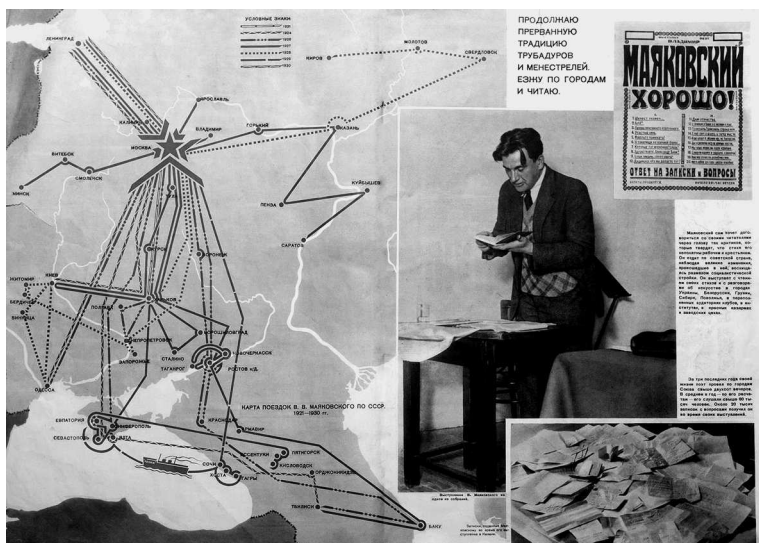
Их было много — с первых дней существования страны, основой идеологии которой был освобождённый труд — великих строек СССР. Цивилизация, которую создавали под красным флагом, исчезла с политической карты мира. Много было уничтожено, расхищено, упразднено.

А в те годы вся страна напоминала большую стройплощадку. И еще один важнейший нюанс. В СССР умели пропагандировать — не лгать, призывая «толпу» на убой, а показывать о том, чем живёт страна — по большому счёту. Красочно рассказывать о своих достижениях — это искусство, без которого в XX, а тем более — в XXI веке — можно вообще не приниматься за дело. А тогда умели показывать трудовые подвиги так, чтобы о великих стройках и их героях знали все, вся страна. С 1930 года и до Великой Отечественной даже выходил такой журнал — «СССР на стройке». Замечательный, красочный. Неповторимый. Это было

лицо страны. Первым главным редактором «СССР на стройке» был сам Максим Горький. Среди подписчиков журнала значились Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Джон Голсуорси, Ромен Роллан и другие звёзды левой западной интеллигенции. Они не просто интересовались тем, что происходит в огромной и поначалу почти нищей стране, они восхищались размахом строительства и понимали, что за такими проектами будущее. По свидетельству современников, даже такие убежденные антикоммунисты поддавались «гипнозу фотографий тракторов и гидроэлектростанций». Интересные фотомонтажи, конструктивизм в оформлении, всё говорило о том, что это журнал будущего, посвящённый стране будущего.

Как только утихли сражения Гражданской войны — началась дискуссия (кстати, не только эмоциональная, но и весьма содержательная) о том, как строить новую промышленность. Победила, как известная, стратегия ускоренного развития государственной тяжёлой промышленности. Это означало упразднение НЭПа, который к концу 1920-х исчерпал свои возможности. Ну, а деньги, которые потребовались для великих строек, по старой русской традиции, дала деревня. Без экспорта хлеба построить индустрию мы бы не смогли. По сути, пришлось принести в жертву благоденствие одного поколения ради достойной жизни многих следующих поколений. Жёсткая, но рациональная реальность. Этой острой проблематике посвящена программное выступление Иосифа Сталина 1928 года, которое открывает наш сборник.

Создавалась промышленная культура, инженерная школа. Иногда — дорогой ценой. Но время доказало необходимость этого процесса. Конечно, в России и до 1917 года были инженеры, в том числе — талантливейшие. Но для целой серии грандиозных проектов их не хватало. Стране требовался «массовый инженер». И потому по всей стра-

Журнал «СССР на стройке»

не открывались высшие технические учебные заведения и техникумы. Количество, как известно, переходит в качество. Особенно, если верить в прогресс, а советская страна верила в него последовательно и яростно. Много лет спустя, потеряв эту веру, мы стали беднее, обокрали сами себя. Но, когда строили — верили.

Великие стройки СССР — это, конечно, не только первые пятилетки. Это и сибирская нефть, которую нужно было найти, добыть, построить вокруг города и провести трубопроводы... Это автогиганты брежневского времени и, конечно, БАМ — пожалуй, последняя великая стройка социализма, которая оказалась столь востребованной в 2022 году. О ней знала вся страна, да и в мире многие имели представление об этом начинании Советского Союза. Огромные комсомольские стройки брежневского времени... Их руководители и герои не скрывали прямой связи со стахановцами, со строителями Магнитки и Днепрогэса.

И даже с такими литературными героями, как Павка Корчагин. Комсомольские традиции не прерывались и не казались анахронизмом до конца 1980-х.

Использовались и возможности иностранных фирм. Да, почти все они считались идейными противниками социализма, но ради приличных гонораров (в особенности — в годы Великой депрессии) все были готовы, как минимум, вести переговоры с советскими дипломатами, наркомками, директорами. С теми, кто имел право подписывать контракты. Сегодня нередко участие американцев, немцев, французов в советской индустриализации называют «помощью». Это, конечно, ерунда. За всё было заплачено. И контракты советская сторона продумывала строго — чтобы не впасть в зависимость от зарубежного бизнеса, не говоря уж об иностранных политических тузах, которых в советскую жизнь не допускали. Но будем благодарны иностранным специалистам, которые сыграли важную роль в воспитании нового поколения советских инженеров.

Сегодня стало яснее, чем вчера, насколько важно для нас это наследие. Без него современная Россия осталась бы бессильной. Нам предстоит возрождение индустрии — и провести его, не учитывая советский опыт, невозможно, хотя многим очень хотелось бы получить благополучие по щучьему велению и в белых перчатках.

Мы бы хотели не только рассказать о великих стройках, но и показать людей, без которых они не состоялись бы. Блистательная плеяда истинно советских управленцев, зачастую — несправедливо освищенных, если не оплёванных. А замены им так и нет. Случайных людей в этой панораме нет. Им — ушедшим и живым — посвящается эта книга.

*Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактор журнала «Историк»*

И.В. Сталин

Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП (б)

Речь на пленуме ЦК 19 ноября 1928 года

Я буду говорить, товарищи, по трем основным вопросам, поставленным в тезисах Политбюро.

По вопросу об индустриализации страны и о том, что командующим фактором в деле индустриализации является развитие производства средств производства при обеспечении возможно быстрого темпа этого развития.

Затем по вопросу о том, что темп развития сельского хозяйства у нас чрезмерно отстает от темпа развития ин-

Иосиф Сталин на Перервинском шлюзе

дустрии и что поэтому наиболее жгучим вопросом современности в нашей внутренней политике является вопрос о сельском хозяйстве и особенно вопрос о зерновой проблеме, вопрос о том, как поднять, реконструировать сельское хозяйство на базе новой техники.

И, наконец, третий вопрос — это вопрос об уклонах от линии партии, о борьбе на два фронта и о том, что главной опасностью в данный момент является у нас правая опасность, правый уклон.

I. Вопрос о темпе развития индустрии

Исходным пунктом, наших тезисов является положение о том, что быстрый темп развития индустрии вообще, производства средств производства в особенности, представляет основное начало и ключ индустриализации страны, основное начало и ключ преобразования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития.

Но что значит быстрый темп развития индустрии? Это значит — побольше капитальных вложений в промышленность. А это ведет к напряженности всех наших планов, и бюджетного и внебюджетного. И действительно, характерная черта наших контрольных цифр за последние три года, за период реконструкции, состоит в том, что они составляются и осуществляются у нас под знаком напряженности. Возьмете ли наши контрольные цифры, посмотрите ли наши бюджетные наметки, побеседуете ли с нашими партийными товарищами — как с теми, которые ведут работу по линии партийных организаций, так и с теми, которые руководят нашим советским, хозяйственным и кооперативным строительством, — везде и во всем сквозит одна характерная черта — напряженность наших планов.

Возникает вопрос, нужна ли нам вообще эта напряженность планов? Нельзя ли обойтись без напряженности?

Разве нельзя повести работу более медленным темпом, в более «спокойной» обстановке? Не объясняется ли взятый нами быстрый темп развития индустрии беспокойностью характера членов Политбюро и Совнаркома?

Конечно, нет! В Политбюро и Совнаркоме сидят люди трезвые и спокойные. Говоря абстрактно, отвлекаясь от внешней и внутренней обстановки, мы могли бы, конечно, вести дело более медленным темпом. Но дело в том, что, во-первых, нельзя отвлекаться от внешней и внутренней обстановки и, во-вторых, если исходить из окружающей нас обстановки, то нельзя не признать, что именно она, эта обстановка, диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии.

Позвольте перейти к рассмотрению этой обстановки, этих условий внешнего и внутреннего порядка, диктующих нам быстрый темп развития индустрии.

Внешние условия. Мы пришли к власти в стране, техника которой является страшно отсталой. Наряду с немногочисленными крупными промышленными единицами, более или менее базирующимися на новой технике, мы имеем сотни и тысячи фабрик и заводов, техника которых не выдерживает никакой критики с точки зрения современных достижений. А между тем мы имеем вокруг себя целый ряд капиталистических стран, обладающих гораздо более развитой и современной промышленной техникой, чем наша страна. Посмотрите на капиталистические страны, и вы увидите, что там техника не только идет, но прямо бежит вперед, перегоняя старые формы промышленной техники. И вот выходит, что, с одной стороны, мы имеем в нашей стране наиболее передовой Советский строй и наиболее передовую власть во всем мире, Советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, долженствующей представлять базу социализма и Советской власти. Думаете ли вы, что можно добиться

окончательной победы социализма в нашей стране при наличии этого противоречия?

Что нужно сделать, чтобы ликвидировать это противоречие? Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран. Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, Советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут.

Это верно не только с точки зрения построения социализма. Это верно также с точки зрения отстаивания независимости нашей страны в обстановке капиталистического окружения. Невозможно отстаивать независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности.

Вот для чего нужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии.

Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, и после, в период пореволюционный. Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были

неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства. А ликвидировать ее может только пролетариат, построивший свою диктатуру и держащий в своих руках руководство страной.

Глупо было бы утешать себя тем, что так как отсталость нашей страны не нами придумана, а передана нам в наследство всей историей нашей страны, то мы не можем и не должны отвечать за нее. Это неверно, товарищи. Раз мы пришли к власти и взяли на себя задачу преобразования страны на основе социализма, мы отвечаем и должны отвечать за все, и за плохое, и за хорошее. И именно потому, что мы отвечаем за все, мы должны ликвидировать нашу технико-экономическую отсталость. Мы должны сделать это обязательно, если в самом деле хотим догнать и перегнать передовые капиталистические страны. А сделать это можем только мы, большевики. И именно для того, чтобы провести в жизнь эту задачу, мы должны систематически осуществлять быстрый темп развития нашей индустрии. А что мы уже осуществляем быстрый темп развития индустрии, это видят теперь все.

Вопрос о том, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении, — этот вопрос не представляет для нас, большевиков, чего-либо нового или неожиданного. Этот вопрос ставился у нас еще в 1917 году, в период перед Октябрьской революцией. Его ставил Ленин еще в сентябре 1917 года, накануне Октябрьской революции, в период империалистической войны, в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Вот что говорил Ленин на этот счет:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые стра-

ны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически... Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (т. XXI, стр. 191).

Вот как круто ставил Ленин вопрос о ликвидации нашей технико-экономической отсталости.

Ленин писал все это накануне Октябрьской революции, в период до взятия власти пролетариатом, когда у большевиков не было еще ни власти, ни социализированной промышленности, ни широко разветвленной сети кооперации, охватывающей миллионы крестьянства, ни колхозов, ни совхозов. Теперь, когда мы уже имеем кое-что существенное для того, чтобы ликвидировать в корне нашу технико-экономическую отсталость, мы могли бы перефразировать слова Ленина примерно таким образом:

«Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в политическом отношении, построив диктатуру пролетариата. Но этого мало. Мы должны использовать диктатуру пролетариата, нашу социализированную промышленность, транспорт, кредитную систему и т.д., кооперацию, колхозы, совхозы и т.д. для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны также и экономически».

Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы у нас так остро, как стоит он теперь, если бы мы имели такую же развитую промышленность и такую же развитую технику, как, скажем, в Германии, если бы удельный, вес индустрии во всем народном хозяйстве стоял у нас так же высоко, как, например, в Германии. При этом условии мы могли бы развивать индустрию менее быстрым темпом, не боясь отстать от капиталистических стран и зная, что мы можем их одним ударом перегнать. Но тогда у нас не было бы той серьезной технико-экономической отсталости, ко-

торая имеется теперь. В том-то и дело, что мы стоим в этом отношении позади Германии и мы далеко еще не догнали ее в технико-экономическом отношении.

Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы так остро в том случае, если бы мы представляли не единственную страну диктатуры пролетариата, а одну из стран пролетарской диктатуры, если бы мы имели пролетарскую диктатуру не только в нашей стране, но и в других, более передовых странах, скажем, в Германии и Франции.

При этом условии капиталистическое окружение не могло бы представлять для нас той серьезной опасности, какую оно представляет теперь, вопрос об экономической самостоятельности нашей страны, естественно, отошел бы на задний план, мы могли бы включиться в систему более развитых пролетарских государств, мы могли бы получать от них машины для оплодотворения нашей промышленности и сельского хозяйства, снабжая их сырьем и продовольственными продуктами, мы могли бы, следовательно, развивать нашу индустрию менее быстрым темпом. Но вы знаете хорошо, что мы не имеем еще этого условия и мы все еще являемся единственной страной пролетарской диктатуры, окруженной капиталистическими странами, многие из которых стоят далеко впереди нас в технико-экономическом отношении.

Вот почему вопрос о том, чтобы догнать и перегнать экономически передовые страны, Ленин ставил как вопрос жизни и смерти нашего развития.

Таковы внешние условия, диктующие нам быстрый темп развития нашей индустрии.

Внутренние условия. Но кроме внешних условий есть еще внутренние условия, диктующие быстрый темп развития нашей индустрии, как ведущего начала всего нашего народного хозяйства. Я имею в виду чрезмерную отсталость нашего земледелия, его техники, его культуры.

Я имею в виду наличие в нашей стране преобладающего большинства мелких товаропроизводителей с их раздробленным и совершенно отсталым производством, в сравнении с которым наша крупная социалистическая промышленность выглядит как остров среди моря, остров, база которого расширяется с каждым днем, но который все еще представляет остров среди моря.

У нас говорят обычно, что индустрия есть ведущее начало всего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства, что индустрия есть тот ключ, при помощи которого можно перестроить отсталое и раздробленное земледелие на базе коллективизма. Это совершенно верно. И от этого мы не должны отступать ни на одну минуту. Но надо помнить и то, что если индустрия является ведущим началом, то сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввезти оборудование для нужд народного хозяйства. Можно ли двигать вперед индустрию, оставляя сельское хозяйство в условиях совершенно отсталой техники, не обеспечивая для индустрии сельскохозяйственной базы, не реконструируя сельское хозяйство и не подгоняя его к индустрии? Нет, нельзя.

Отсюда задача — максимально обеспечить сельское хозяйство орудиями и средствами производства, необходимыми для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело его реконструкции на новой технической базе. Но для того, чтобы добиться осуществления этой задачи, необходим быстрый темп развития нашей индустрии. Конечно, реконструкция раздробленного и распыленного сельского хозяйства — дело несравненно более трудное, чем реконструкция объединенной и централизованной социалистической промышленности. Но задача эта стоит перед нами, и

мы должны ее разрешить. А разрешить ее невозможно иначе как на базе быстрого темпа развития промышленности.

Нельзя без конца, т.е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нужно постепенно, но систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую базу, на базу крупного производства, подтягивая его к социалистической промышленности. Либо мы эту задачу разрешим, — и тогда окончательная победа социализма в нашей стране обеспечена, либо мы от нее отойдем, задачи этой не разрешим, — и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (т. XXVI, стр. 46).

Как видите, под электрификацией страны Ленин понимает не изолированное построение отдельных электростанций, а постепенный «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия (курсив мой. — И.Ст.), на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного

производства», связанного так или иначе, прямо или косвенно, с делом электрификации.

Речь эту говорил Ленин на VIII съезде Советов в декабре 1920 года, перед самым введением нэпа, когда он обосновывал так называемый план электрификации, т.е. план Гозлро. Некоторые товарищи говорят на этом основании, что положения, высказанные в этой цитате, неприменимы уже к нынешней действительности. Почему, спрашивается? Потому, говорят, что с тех пор утекло много воды. Это, конечно, верно, что с тех пор утекло много воды. Мы имеем теперь развитую социалистическую промышленность, мы имеем колхозы, как массовое явление, мы имеем старые и новые совхозы, мы имеем богатую сеть развитых кооперативных организаций, мы имеем прокатные пункты для обслуживания крестьянских хозяйств, мы применяем теперь метод контрактации, как новую форму смычки, и мы можем пустить в ход все эти и ряд других рычагов для того, чтобы перевести постепенно сельское хозяйство на базу новой техники. Все это верно. Но верно также и то, что, несмотря на все это, мы все еще остаемся страной мелкокрестьянской, с преобладанием мелкого производства. А это — основное. И пока это основное остается, сохраняет силу и тезис Ленина о том, что «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма», что, стало быть, опасность реставрации капитализма является не пустой фразой.

То же самое говорит Ленин, но в более резкой форме, в своем плане брошюры «О продналоге», написанном уже после введения нэпа (март — апрель 1921 г.):

«Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму».

И далее там же:

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора» (т. XXVI, стр. 313).

Вот как круто ставит вопрос Ленин: либо электрификация, т.е. «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», либо возврат к капитализму.

Вот как понимает Ленин вопрос о «правильных соотношениях с крестьянством».

Дело тут не в том, чтобы ласкать крестьянина и в этом видеть установку правильных соотношений с ним, ибо на ласке далеко не уедешь, а дело в том, чтобы помочь крестьянину перевести свое хозяйство «на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», ибо в этом основной путь избавления крестьянства от нищеты.

А перевести хозяйство страны на новую техническую базу невозможно без быстрого темпа развития нашей индустрии и, прежде всего, производства средств производства.

Так обстоит дело с внутренними условиями, диктующими нам быстрый темп развития индустрия.

Вот на каких условиях внешнего и внутреннего порядка зиждется напряженность контрольных цифр нашего народного хозяйства.

Вот где основа того, что наши хозяйственные планы, и бюджетный, и внебюджетный, проходят у нас под знаком напряженности, под знаком серьезных вложений в дело капитального строительства, имеющих своей целью сохранение быстрого темпа развития индустрии. Могут

спросить, — а где это сказано в тезисах, в каком месте тезисов? (Голос: «Да, где это сказано?») Об этом в тезисах говорится сумма капитальных вложений в промышленность на 1928/29 год. Ведь тезисы называются у нас тезисами о контрольных цифрах. Так, кажется, товарищи? (Голос: «Да».) Так вот в этих тезисах говорится, что мы вкладываем в промышленность на капитальные работы в 1928/29 году 1650 млн. рублей. Иначе говоря, мы вкладываем в этом году в промышленность на 330 млн. рублей больше, чем в прошлом году.

Выходит, таким образом, что мы не только темп развития индустрии сохраняем, но делаем еще шаг вперед, вкладывая в промышленность больше, чем в прошлом году, т.е. подымая капитальные работы в промышленности и абсолютно и относительно.

В этом гвоздь тезисов о контрольных цифрах народного хозяйства. А некоторые товарищи слона-то и не заметили. Критиковали вкривь и вкось по мелочам тезисы о контрольных цифрах, а самого важного не заметили.

II. Зерновая проблема

Я говорил до сих пор о первом основном вопросе тезисов, о темпе развития индустрии. Перейдем теперь ко второму основному вопросу, к вопросу о зерновой проблеме. Характерная черта тезисов состоит в том, что они делают упор на проблеме развития сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности. Правильна ли такая установка тезисов? Я думаю, что правильна. Еще на июльском пленуме говорилось, что наиболее узким местом в развитии нашего народного хозяйства является чрезмерная отсталость сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности.

Когда, говоря о том, что у нас сельское хозяйство отстает от промышленности, жалуются на это обстоятельство,

это, конечно, несерьезно. Сельское хозяйство всегда отставало и будет отставать от промышленности. Это особенно верно в наших условиях, где промышленность максимально сконцентрирована, а сельское хозяйство максимально распылено. Понятно, что объединенная промышленность будет развиваться быстрее, чем распыленное сельское хозяйство. Отсюда, между прочим, и вытекает ведущая роль промышленности в отношении сельского хозяйства. Поэтому обычное отставание сельского хозяйства от промышленности не дает еще оснований для постановки проблемы о зерне.

Проблема сельского хозяйства и, в частности, зернового хозяйства появляется на сцену лишь тогда, когда обычное отставание сельского хозяйства от индустрии превращается в чрезмерную отсталость темпа его развития. Характерная черта нынешнего состояния народного хозяйства заключается в том, что мы имеем перед собой чрезмерное отставание темпа развития зернового хозяйства от темпа развития индустрии, как факт, при колоссальном росте спроса на товарным хлеб со стороны растущих городов и промышленных пунктов. При этом задача состоит не в том, чтобы снизить темп развития индустрии до уровня развития зернового хозяйства (это перепутало бы все и повернуло бы развитие вспять), а в том, чтобы подогнать развитие зернового хозяйства к темпу развития индустрии и поднять темп развития зернового хозяйства до уровня, обеспечивающего быстрое продвижение вперед всего народного хозяйства, и промышленности, и земледелия.

Либо мы разрешим эту задачу, и тем самым будет решена зерновая проблема, либо мы ее не разрешим, и тогда неизбежен разрыв между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней.

Так стоит у нас вопрос, товарищи. Такова суть зерновой проблемы.

Не значит ли это, что мы имеем теперь дело с «застоем» в развитии зернового хозяйства или даже с его «деградацией»? Фрумкин так именно и ставит вопрос в своем втором письме, которое роздали мы сегодня по его требованию членам ЦК и ЦКК. Он прямо говорит в этом письме, что мы имеем в сельском хозяйстве «застой». «Мы не можем, — говорит он, — и не должны писать в печати о деградации, но внутри партии мы не должны скрывать, что это отставание равносильно деградации».

Правильно ли это утверждение Фрумкина? Конечно, неправильно! Мы, члены Политбюро, совершенно не согласны с таким утверждением, а тезисы Политбюро в корне расходятся с подобным освещением вопроса о состоянии зернового хозяйства.

В самом деле, что такое деградация и в чем она должна выразиться в сельском хозяйстве? Она должна выразиться, очевидно, в движении сельского хозяйства назад, вниз, в движении от новых форм хозяйствования к старым, средневековым его формам. Она должна выразиться в переходе крестьянства, скажем, от трехполья к переложному хозяйству, от плуга и машин к сохе, от очищенных и чистосортных семян к неочищенным и беспородным семенам, от современной культуры земледелия к низшей культуре и т.д. и т.п. Но разве мы наблюдаем теперь подобные факты? Разве неизвестно всем и каждому, что крестьянство десятками и сотнями тысяч дворов переходит ежегодно от трехполья к четырех — и многополью, от беспородных семян к чистосортным семенам, от сохи к плугу и машинам, от низшей культуры земледелия к высшей его культуре? Какая же это деградация?

Фрумкин любит вообще хватать за фалды тех или иных членов Политбюро для обоснования своей точки зрения. Вполне возможно, что он и в данном случае постарается схватить за фалды Бухарина, чтобы доказать, что Бухарин

говорит «то же самое» в своей статье «Заметки экономиста». Но Бухарин говорит далеко не «то же самое». Бухарин поставил в своей статье отвлеченный, теоретический вопрос о возможности или об опасности деградации. Говоря отвлеченно, такая постановка вопроса вполне возможна и закономерна. А что делает Фрумкин? Он превращает абстрактный вопрос о возможности деградации в факт деградации сельского хозяйства. И это называется у него анализом состояния зернового хозяйства! Не смешно ли это, товарищи?

Хороша была бы Советская власть, если бы она привела сельское хозяйство к деградации на одиннадцатом году своего существования! Да такую власть следовало бы прогнать, а не поддерживать. И рабочие давно бы прогнали такую власть, если бы она привела сельское хозяйство к деградации. О деградации поют нам всякого рода буржуазные спецы, которые спят и видят во сне, что сельское хозяйство деградирует. О деградации пел нам одно время Троцкий. Я не ожидал, что Фрумкин встанет на этот сомнительный путь.

На чем основывает Фрумкин свое утверждение о деградации? Прежде всего, на том, что в этом году посевных площадей под зерновыми культурами оказалось у нас меньше, чем в прошлом году. Чем объяснить этот факт? Может быть, политикой Советской власти? Конечно, нет. Объясняется это гибелью озимых в степной полосе Украины и отчасти на Северном Кавказе и засухой летом этого года в той же полосе Украины. Если бы не было этих климатических неблагоприятных условий, от которых целиком и полностью зависит сельское хозяйство, мы имели бы в этом году посевных площадей под зерновыми культурами, по крайней мере, на миллион десятин больше, чем в прошлом году.

Он основывает, далее, свое утверждение на том, что мы имеем в этом году валовой продукции зерна лишь немно-

гим больше, чем в прошлом году (на 70 млн. пудов больше), а пшеницы и ржи миллионов на 200 пудов меньше. А чем объясняется все это? Теми же явлениями засухи и гибели озимых от заморозков. Если бы не было этих неблагоприятных климатических условий, мы имели бы валовой продукции хлеба в этом году миллионов на 300 пудов больше, чем в прошлом году. Как можно отвлекаться от таких факторов, как засуха, заморозки и т.д., имеющих решающее значение для урожая в тех или иных районах?

Мы ставим теперь задачу расширить посевные площади на 7 процентов, повысить урожайность на 3 процента и увеличить валовую продукцию зерновых культур, кажется, на 10 процентов. Не может быть сомнений в том, что мы примем все меры к выполнению этих задач. Но не исключено, что, несмотря на наши мероприятия, мы опять нарвемся на частичный неурожай, на заморозки или засуху в тех или иных районах, причем возможно, что эти обстоятельства поведут к известному снижению валовой продукции зерновых культур в сравнении с нашими планами или даже в сравнении с валовой продукцией этого года. Будет ли это означать, что сельское хозяйство «деградирует», что в этой «деградации» виновата политика Советской власти, что мы «лишили» крестьянина хозяйственного стимула, что мы «отняли» у него хозяйственную перспективу?

Несколько лет тому назад Троцкий впадал в ту же ошибку, утверждая, что «дождичек» не имеет значения для сельского хозяйства. Рыков ему возражал при поддержке громадного большинства членов ЦК. Теперь Фрумкин впадает в ту же ошибку, отвлекаясь от условий климата, имеющих решающее значение для сельского хозяйства, и стараясь свалить все на политику нашей партии.

Каковы пути и способы, необходимые для того, чтобы поднять темп развития сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности?

Таких путей или каналов имеется три:

- а) поднятие урожайности и расширение посевных площадей индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств;
- б) дальнейшее развитие колхозов;
- в) расширение старых и развитие новых совхозов.

Об этом говорилось еще в резолюции июльского пленума. Тезисы повторяют сказанное на июльском пленуме, но ставят вопрос более конкретно, дают ему цифровое выражение в смысле известных вложений на это дело. Фрумкин и здесь нашел повод придраться. Он думает, что ежели на первом месте ставится индивидуальное хозяйство, а на втором и третьем — колхозы и совхозы, то это означает не что иное, как победу его точки зрения. Это смешно, товарищи. Понятно, что ежели подойти к делу с точки зрения удельного веса тех или иных форм сельского хозяйства, то на первое место надо поставить индивидуальное хозяйство, ибо оно дает почти в шесть раз больше товарного хлеба, чем колхозы и совхозы. Но если подойти к делу с точки зрения типа хозяйства, с точки зрения того, какая из форм хозяйства является наиболее близкой нам, то на первое место надо поставить колхозы и совхозы, представляющие высший тип сельского хозяйства в сравнении с индивидуальным крестьянским хозяйством. Неужели еще надо доказывать, что обе точки зрения одинаково приемлемы для нас?

Что требуется для того, чтобы пошла у нас работа по всем этим трем каналам, чтобы добиться практически повышения темпа развития сельского хозяйства и, прежде всего, зернового хозяйства?

Для этого необходимо, прежде всего, повернуть внимание наших партийных кадров в сторону сельского хозяйства и заострить его на конкретных вопросах зерновой проблемы. Надо бросить общие фразы и болтовню о сельском хозяйстве вообще и перейти, наконец, к разработке

практических мероприятий по поднятию зернового хозяйства сообразно с разнообразными условиями различных районов. Пора перейти от слов к делу и заняться, наконец, конкретным вопросом о том, как поднять урожайность и расширить посевные площади индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств, как улучшить и развить дальше колхозы и совхозы, как организовать помощь колхозов и совхозов крестьянам по линии снабжения их лучшими семенами, лучшей породой скота, как организовать помощь крестьянам машинами и прочими орудиями через прокатные пункты, как расширить и улучшить дело контрактации и вообще сельскохозяйственной кооперации и т.д. и т.п. (Голос: «Это практицизм».) Такой практицизм нам абсолютно необходим, ибо без него мы рискуем утопить серьезнейшее дело разрешения зерновой проблемы в пустой болтовне о сельском хозяйстве вообще.

ЦК поставил себе задачей организовать конкретные доклады наших основных работников по главным хлебным районам в Совнарком и в Политбюро по вопросам развития сельского хозяйства. На этом пленуме вы имеете заслушать доклад т. Андреева о путях разрешения зерновой проблемы на Северном Кавказе. Я думаю, что в дальнейшем нам придется заслушать по очереди подобные же доклады от Украины, ЦЧО, Поволжья, Сибири и т.д. Это абсолютно необходимо для того, чтобы повернуть внимание партии в сторону зерновой проблемы и перевести, наконец, наши партийные кадры на рельсы конкретной постановки вопросов, связанных с зерновой проблемой.

Необходимо, во-вторых, добиться того, чтобы наши партийные работники в деревне строго различали в своей практической работе середняков от кулаков, не валили их в одну кучу и не попадали по середняку, когда надо бить кулака. Пора, наконец, ликвидировать эти, с позволения сказать, ошибки. Взять, например, вопрос об индивидуаль-

ном обложении. У нас имеется постановление Политбюро и соответствующий закон об индивидуальном обложении не более 2—3 процентов дворов, т.е. наиболее богатой части кулачества. А что происходит на деле? Существует целый ряд районов, где облагают 10, 12, а то и больше процентов, задевая, таким образом, средняцкую часть крестьянства. Не пора ли положить конец этому преступлению?

И вот вместо того, чтобы наметить конкретные меры ликвидации этих и подобных им безобразий, наши дорогие «критики» изощряются в словах, предлагая заменить слова «наиболее богатая часть кулаков» словами «наиболее мощная часть кулаков» или «наиболее верхушечная часть кулаков». Как будто это не одно и то же! Доказано, что кулаков у нас имеется около 5 процентов. Доказано, что закон облагает в порядке индивидуального обложения лишь 2—3 процента дворов, т.е. наиболее богатую часть кулаков. Доказано, что на практике этот закон нарушается в целом ряде районов. А «критики», вместо того, чтобы наметить конкретные меры ликвидации этих явлений, разводят словесную критику, не желая понять, что этим не меняется дело ни на йоту. Чистые начетчики! (Голос: «Предлагают обложить индивидуально всех кулаков».) Ну, тогда надо требовать отмены закона о 2—3 процентном индивидуальном обложении. Между тем я не слышал, чтобы кто-либо требовал отмены закона об индивидуальном обложении. Говорят, что произвольное расширение индивидуального обложения имеет своей целью пополнение местного бюджета. Но нельзя пополнять местный бюджет путем нарушения закона, путем нарушения директивы партии. Партия у нас существует, она еще не ликвидирована. Советская власть существует, она еще не ликвидирована. И если не хватает средств для местного бюджета, надо поставить вопрос о местном бюджете, а не нарушать законы, не отменять указаний партии.

Необходимо, затем, развить дальше стимулирование индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств. Несомненно, что уже состоявшееся повышение цен на хлеб, практическое проведение в жизнь революционной законности, практическая помощь бедняцко-средняцким хозяйствам в порядке контрактации и т.д. значительно усилят хозяйственный стимул крестьянина. Фрумкин думает, что мы убили или почти убили этот стимул, отняв у крестьянина хозяйственную перспективу. Это, конечно, чепуха. Если это верно, то тогда непонятно, на чем же, собственно, держится смычка, союз рабочего класса и основных масс крестьянства? Нельзя же думать, что союз этот есть моральный союз. Надо же, наконец, понять, что союз рабочего класса и крестьянства есть союз по расчету, союз интересов двух классов, классовый союз рабочих и основных масс крестьянства, имеющий своей целью взаимную выгоду. Понятно, что если бы мы убили или почти убили хозяйственный стимул крестьянства, лишив крестьян хозяйственной перспективы, то у нас не было бы смычки, не было бы союза рабочего класса и крестьянства. Очевидно, что речь может идти здесь не о «создании» или «развязывании» хозяйственного стимула бедняцко-средняцких масс, а о том, чтобы усилить этот стимул и развить его дальше к взаимной выгоде рабочего класса и основных масс крестьянства. Об этом именно и говорят тезисы о контрольных цифрах народного хозяйства.

Необходимо, наконец, усилить снабжение деревни товарами. Я имею в виду как потребительские товары, так и особенно товары производственного характера (машины, удобрения и т.д.), могущие поднять производство сельскохозяйственных продуктов. Нельзя сказать, чтобы в этой области все обстояло у нас благополучно. Вы знаете, что явления товарного голода далеко еще не ликвидированы и, пожалуй, не скоро будут у нас ликвидированы. В некото-

рых кругах нашей партии существует иллюзия о том, что мы можем теперь же ликвидировать товарный голод. Это, к сожалению, неверно. Нужно иметь в виду, что явления товарного голода связаны, во-первых, с ростом благосостояния рабочих и крестьян и колоссальным ростом платежеспособного спроса на товары, производство которых растет ежегодно, но которые не покрывают всего спроса, и, во-вторых, с нынешним периодом реконструкции промышленности.

Реконструкция промышленности означает передвижку средств из области производства средств потребления в область производства средств производства. Без этого не бывает и не может быть серьезной реконструкции промышленности, особенно в наших, советских условиях. Но что это значит? Это значит, что вкладываются деньги в строительство новых предприятий, растет количество городов и новых потребителей, тогда как новые предприятия могут дать новую массу товаров лишь через 3—4 года. Легко понять, что это обстоятельство не может благоприятствовать делу ликвидации товарного голода.

Значит ли это, что мы должны сложить руки и признать свое бессилие перед явлениями товарного голода? Нет, не значит. Дело в том, что мы можем и должны принять конкретные меры к тому, чтобы ослабить, умерить товарный голод. Это можно сделать и это мы должны сделать теперь же. Для этого надо нажать на усиление таких отраслей промышленности, которые связаны непосредственно с подъемом сельскохозяйственного производства (Сталинградский тракторный завод, Ростовский сельмаш, Воронежский триерный завод и т.д. и т.п.). Для этого необходимо, далее, усилить, по мере возможности, те отрасли промышленности, которые связаны с увеличением товарной массы дефицитного характера (сукно, стекло, гвозди и т.д.). И т.д. и т.п...

Кубяк говорил, что по контрольным цифрам народного хозяйства индивидуальному крестьянскому хозяйству предоставляется в этом году меньше средств, чем в прошлом году. Я думаю, что это неверно. Кубяк, видимо, не считает того, что в порядке контрактации мы предоставляем крестьянам в этом году около 300 млн. рублей кредита (почти на 100 млн. больше, чем в прошлом году). Если учесть это обстоятельство, — а его нельзя не учесть, — то выходит, что мы даем в этом году на развитие индивидуального крестьянского хозяйства больше, чем в прошлом году. Что касается старых и новых совхозов и колхозов, то на это дело вкладывается в этом году около 300 млн. рублей (больше, чем в прошлом году, миллионов на 150).

Следует обратить особое внимание на колхозы, совхозы и метод контрактации. Нельзя рассматривать эти вещи только лишь как средство усиления наших ресурсов по линии товарного хлеба. Они являются вместе с тем новой формой смычки рабочего класса и основных масс крестьянства.

О методе контрактации у нас уже говорилось достаточно, и я не буду распространяться об этом. Всякому понятно, что метод массовой контрактации облегчает дело объединения усилий индивидуальных крестьянских хозяйств, вносит элемент постоянства во взаимоотношения между государством и крестьянством и укрепляет, таким образом, смычку между городом и деревней.

Я хотел бы обратить ваше внимание на колхозы и особенно совхозы, как на рычаги, облегчающие дело преобразования сельского хозяйства на базе новой техники, производящие у крестьян революцию в головах и помогающие им освободиться от косности, от рутинности. Появление тракторов, крупных сельскохозяйственных машин и тракторных колонн в наших хлебных районах не может пройти даром для хозяйств окрестных крестьян. Помощь окрестным

крестьянам семенами, машинами, тракторами несомненно будет оценена крестьянством и учтена как признак силы и могущества Советского государства, старающегося вывести его на широкую дорогу серьезного подъема сельского хозяйства. Этого обстоятельства мы не учитывали до сих пор и, пожалуй, не учитываем еще в достаточной степени. Но я думаю, что это самое главное из того, что дают и могли бы дать в данный момент колхозы и совхозы в деле разрешения зерновой проблемы и укрепления смычки в новых ее формах.

Таковы в общем те пути и способы, по линии которых должна пойти наша работа в деле разрешения зерновой проблемы.

III. О борьбе с уклонами и примиренчеством с ними

Перейдем теперь к третьему основному вопросу наших тезисов, к вопросу об уклонах от ленинской линии.

Социальная база уклонов — это факт преобладания мелкого производства капиталистических элементов, факт окружения нашей партии мелкобуржуазной стихией, наконец, факт заражения этой стихией некоторых звеньев нашей партии.

Вот вам в основном социальная база уклонов.

Все они, эти уклоны, носят мелкобуржуазный характер.

К чему сводится правый уклон, о котором главным образом идет здесь речь? Куда он тянет? Он тянет по линии приспособления к буржуазной идеологии, по линии приспособления нашей политики ко вкусам и потребностям «советской» буржуазии.

Чем угрожает нам правый уклон, если он победит в нашей партии? Это будет идейный разгром нашей партии, развязывание капиталистических элементов, нарастание шансов на реставрацию капитализма или, как говорил Ленин, на «возврат к капитализму».

Где главным образом гнездятся тенденции к правому уклону? В наших советских и хозяйственных, кооперативных и профессиональных аппаратах, а также в аппарате партии, особенно в ее низовых деревенских звеньях.

Есть ли у нас среди членов партии люди, выражающие правый уклон? Безусловно, есть. Рыков приводил пример с Шатуновским, высказывавшимся против строительства Днепростроя. Не может быть сомнения, что Шатуновский допустил правый уклон, уклон к открытому оппортунизму. Но я думаю все же, что Шатуновский не типичен для характеристики правого уклона, для характеристики его физиономии. Я думаю, что здесь пальму первенства надо предоставить Фрумкину. (Смех.) Я имею в виду его первое письмо (июнь 1928 г.) и потом его второе письмо, розданное здесь членам ЦК и ЦКК (ноябрь 1928 г.).

Разберем оба эти письма. Возьмем «основные положения» первого письма.

1) «Деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас». Верно ли это? Ясно, что неверно. Если бы это было верно, то у нас не осталось бы даже воспоминания от смычки. А ведь с июня месяца (письмо писано в июне) прошло уже почти полгода, и всякий, кто только не слеп, видит, что смычка рабочего класса и основных масс крестьянства остается и крепнет. Для чего пишет Фрумкин эту несообразность? Для того, чтобы поугатать партию и сделать ее уступчивой в отношении правого уклона.

2) «Установка, взятая в последнее время, привела основные массы середняка к беспросветности, в бесперспективности». Верно ли это? Совершенно неверно. Ясно, что если бы мы весной этого года имели хозяйственную беспросветность и бесперспективность основных масс середняка, середняк не расширял бы ярового клина во всех главных районах хлебного производства. У нас бывают яровые посе­вы в апреле — мае. Ну, а письмо Фрумкина писано в июне

месяце. Кто является у нас, при Советской власти, основным заготовителем хлебных продуктов? Государство и связанная с ним кооперация. Ясно, что если бы середняцкие массы страдали хозяйственной бесперспективностью, если бы они находились в состоянии «размычки» с Советской властью, они не стали бы расширять яровой клин в угоду государству, как основному заготовителю хлеба. Фрумкин говорит явную несообразность. И здесь Фрумкин старается поугагать партию «ужасами» бесперспективности, чтобы сделать ее уступчивой в отношении его, Фрумкина, точки зрения.

3) «Надо вернуться к XIV и к XV съездам». Что XV съезд приплетен здесь ни к селу ни к городу, это не подлежит сомнению. Соль здесь не в XV съезде, а в лозунге: назад к XIV съезду. А что это значит? Это значит отказаться от «усиления наступления на кулака» (см. резолюцию XV съезда). Говорю это не для того, чтобы охаять XIV съезд. Говорю это к тому, что своим призывом вернуться к XIV съезду Фрумкин отрицает тот шаг вперед, который прошла партия от XIV до XV съезда, и, отрицая этот шаг вперед, он тянет партию назад. Июльский пленум ЦК имел суждение по этому вопросу. Он прямо заявил в своей резолюции, что люди, пытающиеся обойти решение XV съезда — «развивать дальше наступление на кулачество», — являются «выражением буржуазных тенденций в нашей стране». Скажу прямо Фрумкину, что когда Политбюро формулировало этот пункт резолюции июльского пленума, оно имело в виду Фрумкина и его первое письмо.

4) «Максимальная помощь бедноте, идущей в коллективы». Максимальную помощь бедноте, идущей в коллективы или даже не идущей, мы всегда оказывали по мере сил и возможностей. В этом нет ничего нового. Новое в решениях XV съезда в сравнении с XIV съездом состоит не в этом, а в том, что XV съезд поставил всемерное развитие колхоз-

ного движения как одну из важнейших задач дня. Говоря о максимальной помощи бедноте, идущей в коллективы, Фрумкин по сути дела отговаривается, отписывается от задачи партии о всемерном развитии колхозного движения, поставленной XV съездом. По сути дела Фрумкин против развертывания работы по усилению социалистического сектора в деревне по линии колхозов.

5) «Не вести расширение совхозов в ударном и сверхударном порядке». Фрумкин не может не знать, что мы только начинаем вести серьезную работу по расширению старых совхозов и созданию новых. Фрумкин не может не знать, что мы даем на это дело гораздо меньше средств, чем следовало бы дать, если бы у нас имелись для этого какие-либо резервы. Слова «в ударном и сверхударном порядке» приведены здесь для того, чтобы навести «ужас» на людей и прикрыть этим свое нежелание сколько-нибудь серьезного расширения совхозов. Фрумкин по сути дела высказывается здесь против усиления социалистического сектора в деревне по линии совхозов.

Соберите теперь все эти положения Фрумкина, и вы получите букет, характеризующий правый уклон.

Перейдем ко второму письму Фрумкина. Чем отличается второе письмо от первого? Тем, что оно усугубляет ошибки первого письма. В первом говорилось о бесперспективности середняцкого хозяйства. А во втором говорится о «деградации» сельского хозяйства. В первом письме говорилось о том, чтобы вернуться к XIV съезду в смысле ослабления наступления на кулака. Во втором же письме говорится о том, что «мы не должны мешать производству кулацких хозяйств». В первом письме ничего не сказано о промышленности. А второе письмо развивает «новую» теорию о том, чтобы давать поменьше на промышленное строительство. Впрочем, есть два пункта, по которым оба письма сходятся: насчет колхозов и совхозов — и там и здесь

Фрумкин высказывается против развертывания колхозов и совхозов. Ясно, что второе письмо есть усугубление ошибок первого письма.

О теории «деградации» я уже говорил. Не может быть сомнений, что эта теория есть измышление буржуазных спецов, готовых кричать о гибели Советской власти. Фрумкин дал себя запугать буржуазным спецам, ютящимся около Наркомфина, а теперь сам пытается поугагать партию, желая сделать ее уступчивой в отношении правого уклона. Насчет колхозов и совхозов тоже говорили в достаточной мере. Поэтому не отбит повторять сказанного. Рассмотрим остальные два пункта: о кулацком хозяйстве и о капитальных вложениях в промышленность.

О кулацком хозяйстве. Фрумкин говорит, что «мы не должны мешать производству кулацких хозяйств». Что это значит? Это значит не мешать кулаку развивать свое эксплуататорское хозяйство. Но что значит не мешать кулаку развивать свое эксплуататорское хозяйство? Это значит развязать капитализм в деревне, дать ему волю, дать ему свободу. Получается старый лозунг французских либералов: «лессе фер, лессе пассе», т.е. не мешайте буржуазии делать свое дело, не мешайте буржуазии двигаться свободно.

Этот лозунг выставляли старые французские либералы во время французской буржуазной революции, во время борьбы с феодальной властью, которая стесняла буржуазию и не давала ей развиваться. Выходит, что мы должны теперь перейти от социалистического лозунга — «все возрастающее ограничение капиталистических элементов» (см. тезисы о контрольных цифрах) к буржуазно-либеральному лозунгу — не стеснять развития капитализма в деревне. Что же, неужели мы думаем превратиться из большевиков в буржуазных либералов? Что может быть общего между этим буржуазно-либеральным лозунгом Фрумкина и линией партии?

(Фрумкин: «Тов. Сталин, читайте и другие пункты».) Я читаю весь пункт: «Мы не должны мешать производству и кулацких хозяйств, борясь одновременно с их кабальной эксплуатацией». Что же, уважаемый Фрумкин, неужели вы думаете, что вторая половина фразы улучшает дело, а не ухудшает его? Что значит борьба с кабальной эксплуатацией? Ведь лозунг борьбы с кабальной эксплуатацией есть лозунг буржуазной революции против феодально-крепостнических или полуфеодальных методов эксплуатации. Мы этот лозунг действительно выставляли, когда шли на буржуазную революцию, делая разницу между кабальной формой эксплуатации, которую стремились мы ликвидировать, и не кабальной, так называемой «прогрессивной» формой эксплуатации, которую мы не могли тогда ограничивать и уничтожить, поскольку буржуазные порядки оставались в силе. Но тогда мы шли к буржуазно-демократической республике. А теперь у нас, если не ошибаюсь, революция социалистическая, которая держит курс и не может не держать курса на уничтожение всех форм эксплуатации, в том числе «прогрессивных» форм эксплуатации. Как же вы хотите, чтобы мы от социалистической революции, которую развиваем и двигаем вперед, повернулись вспять и вернулись к лозунгам буржуазной революции? Как можно договориться до такой чепухи?

Далее. Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть. Когда буржуазные либералы Франции требовали от феодальной власти не мешать буржуазии развиваться, они это выражали в конкретных требованиях о том, чтобы предоставить буржуазии власть. И они были правы. Чтобы развиваться как следует, буржуазия должна иметь власть. Стало быть, если быть последовательным, надо сказать: припустите кулака к власти. Ибо надо же это понять, что нельзя не стеснять развитие кулацкого хозяй-

ства, отбирая у кулака власть и сосредоточивая ее в руках рабочего класса. Вот какие выводы напрашиваются при чтении второго письма Фрумкина.

О капитальном строительстве промышленности. При обсуждении контрольных цифр мы имели три цифры: ВСНХ требовал 825 млн. рублей, Госплан давал 750 млн. рублей, Наркомфин же соглашался дать лишь 650 млн. рублей. Какое решение принял по этому вопросу ЦК нашей партии? Он определил 800 млн. рублей, т.е. ровно на 150 млн. рублей больше, чем предлагал Наркомфин. То, что Наркомфин давал меньше, в этом нет, конечно, ничего удивительного: скупость Наркомфина всем известна, он не может не быть скупым. Но дело теперь не в этом. Дело в том, что Фрумкин отстаивает цифру 650 млн. рублей не из скупости, а на основании новоиспеченной теории «о возможностях», утверждая в своем втором письме и в специальной статье в печатном органе Наркомфина, что мы наверняка ухудшим дело нашего хозяйства, если отпустим ВСНХ на капитальное строительство больше 650 млн. рублей. А что это значит? Это значит, что Фрумкин стоит против сохранения нынешнего темпа развития индустрии, не понимая, очевидно, что снижение этого темпа действительно ухудшило бы положение всего нашего народного хозяйства.

Соедините теперь эти два пункта во втором письме Фрумкина, пункт о кулацком хозяйстве и пункт о капитальном строительстве промышленности, прибавьте к этому теорию «деградации», — и вы получите физиономию правого уклона.

Вы хотите знать, что такое правый уклон и как он выглядит? Читайте оба письма Фрумкина, изучайте их и разумеете.

Так обстоит дело с физиономией правого уклона.

Но тезисы говорят не только о правом уклоне. Они говорят еще о так называемом «левом» уклоне. Что такое

«левый» уклон? Есть ли у нас действительно так называемый «левый» уклон в партии? Есть ли у нас в партии анти-средняцкие тенденции, как говорится у нас в тезисах, тенденции сверхиндустриалистские и т.д.? Да, есть. К чему они сводятся? Они сводятся к уклону к троцкизму. Еще июльский пленум говорил об этом. Я имею в виду известную резолюцию июльского пленума о хлебозаготовительной политике, где говорится о борьбе на два фронта: против тех, которые тянут назад от XV съезда, — это правые, — и против тех, которые хотят чрезвычайные меры превратить в постоянный курс партии, — это «левые», тенденция к троцкизму.

Ясно, что элементы троцкизма и тенденция к троцкистской идеологии имеются у нас внутри партии. Кажется, до четырех тысяч человек голосовало против нашей платформы во время дискуссии перед XV съездом партии. (Голос: «Десять тысяч».) Я думаю, что если десять тысяч голосовало против, то дважды десять тысяч сочувствующих троцкизму членов партии не голосовало вовсе, так как не пришли на собрания. Это те самые троцкистские элементы, которые не вышли из партии и которые, надо полагать, не освободились еще от троцкистской идеологии. Кроме того, я думаю, что часть троцкистов, оторвавшаяся потом от троцкистской организации и вернувшаяся в партию, не успела еще распространиться с троцкистской идеологией и тоже, должно быть, не прочь распространять свои взгляды среди членов партии. Наконец, мы имеем факт некоторого возрождения троцкистской идеологии в некоторых организациях нашей партии. Соедините все это вместе, и вы получите все необходимые элементы для того, чтобы иметь в партии уклон к троцкизму.

Оно и понятно: не может быть, чтобы при наличии мелкобуржуазной стихии и при давлении этой стихии на нашу партию у нас не было троцкистских тенденций в партии.

Одно дело — кадры троцкистов арестовать или исключить из партии. Другое дело — с идеологией троцкизма покончить. Это будет труднее. И мы говорим: где есть правый уклон, там должен быть и «левый» уклон. «Левый» уклон есть тень правого уклона. Ленин говорил, имея в виду отзовистов, что «левые» — те же меньшевики, только наизнанку. Это совершенно правильно. То же самое надо сказать о нынешних «левых». Люди, уклоняющиеся к троцкизму, — это по сути дела те же правые, только наизнанку, правые, прикрывающиеся «левой» фразой.

Отсюда борьба на два фронта, и против правого уклона и против «левого» уклона.

Могут сказать: если «левый» уклон есть по сути дела тот же правый оппортунистический уклон, то где же между ними разница и где тут собственно два фронта? В самом деле, если победа правых означает поднятие шансов на реставрацию капитализма, а победа «левых» ведет к тем же результатам, то какая между ними разница и почему одних называют правыми, других — «левыми»? И если есть между ними разница, то в чем она состоит? Разве это не верно, что оба уклона имеют один социальный корень, оба они являются мелкобуржуазными уклонами? Разве это не верно, что оба эти уклона в случае их победы ведут к одним и тем же результатам? В чем же тогда разница между ними?

Разница состоит в том, что платформы у них разные, требования разные, подход и приемы разные.

Если, например, правые говорят: «Не надо было строить Днепрострой», а «левые», наоборот, возражают: «Что нам один Днепрострой, подавайте нам каждый год по Днепрострою» (смех), — то надо признать, что разница, очевидно, есть.

Если правые говорят: «Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться», а «левые», наоборот, возражают: «Бей не только кулака, но и середняка, потому что он такой же

частный собственник, как и кулак», — то надо признать, что разница, очевидно, есть.

Если правые говорят: «Наступили трудности, не пора ли спасовать», а «левые», наоборот, возражают: «Что нам трудности, чихать нам на ваши трудности, — летим вовсю вперед» (смех), — то надо признать, что разница, очевидно, есть.

Вот вам картина специфической платформы и специфических приемов «левых». Этим, собственно, и объясняется, что «левым» иногда удается заманить к себе часть рабочих при помощи «левых» трескучих фраз и изображать из себя наиболее решительных противников правых, хотя весь мир знает, что социальные корни у них, у «левых», те же, что и у правых, и они нередко идут на соглашение, на блок с правыми для борьбы против ленинской линии.

Вот почему для нас, ленинцев, обязательна борьба на два фронта — как против правого уклона, так и против «левого» уклона.

Но если троцкистская тенденция представляет «левый» уклон, не значит ли это, что «левые» стоят левее ленинизма? Нет, не значит. Ленинизм есть самое левое (без кавычек) течение в мировом рабочем движении. Мы, ленинцы, входили во II Интернационал до периода начала империалистической войны как крайняя левая фракция социал-демократов. Мы не остались во II Интернационале и мы проповедовали раскол во II Интернационале потому, что мы именно как крайняя левая фракция не хотели жить в одной партии с мелкобуржуазными изменниками марксизма, с социал-пацифистами и социал-шовинистами.

Эта тактика и эта идеология легли впоследствии в основу большевистских партий всего мира. В своей партии мы, ленинцы, — единственные левые без кавычек. Поэтому мы, ленинцы, не «левые» и не правые в своей собственной партии. Мы — партия марксистов-ленинцев. И мы бо-

ремся в своей партии не только с теми, кого мы называем открыто оппортунистическими уклонистами, но и с теми, которые хотят быть «левее» марксизма, «левее» ленинизма, прикрывая «левыми», трескучими фразами свою правую, оппортунистическую природу.

Всякий поймет, что когда людей, не освободившихся еще от троцкистских тенденций, называют «левыми», то это надо понимать иронически. Ленин называл «левых коммунистов» левыми, иногда в кавычках, иногда без кавычек. Но всякий поймет, что левыми называл их Ленин иронически, подчеркивая этим, что левые они только на словах, по видимости, а на деле представляют мелкобуржуазные правые тенденции.

О какой левизне (без кавычек) троцкистских элементов может быть речь, если они вчера еще объединялись в едином антиленинском блоке с открыто оппортунистическими элементами, смыкаясь прямо и непосредственно с антисоветскими слоями страны? Разве это не факт, что мы вчера еще имели открытый блок «левых» и правых против ленинской партии при несомненной поддержке этого блока со стороны буржуазных элементов? И разве это не говорит о том, что они, «левые» и правые не могли бы объединиться в едином блоке, если бы у них не было общих социальных корней, если бы они не имели общую оппортунистическую природу? Блок троцкистов распался год назад. Часть правых, вроде Шатуновского, отошла от блока. Стало быть, правые блокисты будут выступать отныне именно как правые, а «левые» будут прикрывать свою правизну «левыми» фразами. Но какая есть гарантия, что «левые» и правые не найдут вновь друг друга? (Смех.) Ясно, что тут нет и не может быть никакой гарантии.

Но если мы стоим за лозунг борьбы на два фронта, не значит ли это, что мы тем самым провозглашаем необходимость центризма в нашей партии? Что значит борьба

на два фронта? Не есть ли это центризм? Вы знаете, что троцкисты так именно и изображают дело: есть «левые», это, дескать, «мы» — троцкисты, «настоящие ленинцы»; есть «правые», это — все остальные; есть, наконец, «центристы», которые колеблются между «левыми» и правыми. Можно ли считать правильным такой взгляд на нашу партию? Ясно, что нельзя. Так могут говорить лишь люди, у которых смешались все понятия и которые давно уже порвали с марксизмом. Так могут говорить лишь люди, которые не видят и не понимают принципиальной разницы между партией социал-демократической довоенного периода, которая была партией блока пролетарских и мелкобуржуазных интересов, и партией коммунистической, которая есть монолитная партия революционного пролетариата.

Центризм нельзя рассматривать, как пространственное понятие: на одном месте сидят, скажем, правые, на другом — «левые», а посередке — центристы. Центризм есть понятие политическое. Его идеология есть идеология приспособления, идеология подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии в составе одной общей партии. Эта идеология чужда и противна ленинизму.

Центризм есть явление естественное для II Интернационала периода довоенного времени. Там были правые (большинство), были левые (без кавычек) и были центристы, вся политика которых состояла в том, чтобы подкрасить левыми фразами оппортунизм правых и подчинить левых правым.

В чем состояла тогда политика левых, ядро которых составляли большевики? В решительной борьбе с центристами, в борьбе за раскол с правыми (особенно после начала империалистической войны) и в организации нового революционного Интернационала из действительно левых, действительно пролетарских элементов.

Почему могло тогда возникнуть такое расположение сил внутри II Интернационала и такая политика большевиков в нем? Потому, что II Интернационал был тогда партией блока пролетарских и мелкобуржуазных интересов в угоду мелкобуржуазным социал-пацифистам, социал-шовинистам. Потому, что большевики не могли тогда не сосредоточивать огня против центристов, пытавшихся подчинить пролетарские элементы интересам мелкой буржуазии. Потому, что большевики обязаны были тогда проповедовать идею раскола, ибо без этого пролетарии не могли бы организовать свою собственную монолитную революционно-марксистскую партию.

Можно ли утверждать, что в нашей коммунистической партии имеется такое же расположение сил и что в ней должна практиковаться та же политика, которую практиковали большевики в партиях II Интернационала периода довоенного времени? Ясно, что нельзя. Нельзя, так как это значило бы не понимать принципиальной разницы между социал-демократией, как партией блока пролетарских и мелкобуржуазных элементов, и монолитной коммунистической партией революционного пролетариата. Там (у социал-демократии) была одна классовая подоснова партии. Здесь (у коммунистов) совершенно другая подоснова партии. Там (у социал-демократии) центризм был естественным явлением, так как партия блока разнородных интересов не может обойтись без центристов, и большевики обязаны были вести линию раскола. Здесь (у коммунистов) центризм беспредметен и несовместим с ленинской партийностью, так как коммунистическая партия есть монолитная партия пролетариата, а не партия блока разнородных классовых элементов.

И так как господствующей силой нашей партии является самое левое течение мирового рабочего движения (ленинцы), то политика раскола в нашей партии не имеет и